

УДК 811

DOI: 10.17223/19986645/50/5

Л.Г. Ефанова

СЕМАНТИКА НОРМЫ ПРОГНОЗИРУЕМОСТИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ДИСКУРСИВНЫМИ СЛОВАМИ

В статье исследуются содержание одной из частных разновидностей семантической категории нормы и особенности ее выражения с помощью дискурсивных слов. Норма прогнозируемости отражает представления говорящих о возможности оценить развитие ситуации или положение дел в будущем исходя из знания об обычном состоянии вещей и о причинно-следственной обусловленности событий, в то время как разные виды дискурсивных слов способствуют выражению разнообразных условий возникновения этой оценки.

Ключевые слова: семантическая категория нормы, дискурсивные слова, семантика прогнозируемости, категориальные свойства нормы, непредвиденная ситуация, оценка будущих событий.

1. Введение

В современной лингвистике активно обсуждается вопрос о месте в русской языковой картине мира представлений о предсказуемости / непредсказуемости происходящих в мире изменений и об оценке этого свойства явлений, отраженной в значениях языковых единиц. Прогнозируемость развития событий является одним из аспектов исследования русского дискурса и порожденных им картин мира [1. С. 55–79; 2. С. 134–142. 3. С. 525–528; 4. С. 139–164; 5]. Это свойство ситуаций учитывается при анализе семантики глаголов и союзных предложений [6; 7; 3. С. 478–517; 8; 9], оно актуально при исследованиях художественного дискурса [10, 11, 12] и для решения прикладных задач разработки диалоговых компьютерных систем [7], адекватного перевода на другие языки русских текстов [13. С. 25–35; 14; 15] и преподавания русского языка как иностранного [16].

В качестве средств выражения семантики прогнозируемости нередко называют слова, которые принято относить к разряду дискурсивных [2. С. 133–164; 6; 13; 14; 15]. Вместе с тем мнения лингвистов о том, какое место занимает обозначаемое с помощью этих слов свойство предсказуемости / непредсказуемости событий в русской языковой картине мира, не всегда совпадают. С одной стороны, выраженная в некоторых лингвоспецифичных словах (таких, как *авось*, *на всякий случай*, *если что*) идея непредсказуемости мира признается ключевой для русского языка [17. С. 430; 15. С. 154; 18; 19. С. 144]. С другой же стороны, не вызывает сомнений и то, что русские слова и выражения, «указывающие на нормальное положение вещей и естественный ход событий: *естественно*, *что...*, *как и следовало ожидать* и т.п.» [20. С. 90], отражают представления носителей языка о возможности предсказать

то или иное событие в будущем не только как о желательном, но и как о должном (нормальном) положении дел.

Отмеченная неоднозначность дает основание рассмотреть выраженное в высказываниях с дискурсивными словами свойство предсказуемости / непредсказуемости с точки зрения семантической категории нормы с целью выявить связанные с этим свойством представления носителей русского языка о должном (содержание нормы) и исследовать условия, при которых эти представления выражаются с помощью дискурсивных единиц. Исследование проведено на материале, включающем свыше ста дискурсивных слов и около восьмидесяти контекстов их употребления.

В статье выдвигается гипотеза о норме прогнозируемости как элементе нормативной языковой картины мира. Содержанием данной нормы являются представления носителей языка о том, что результаты их собственных действий и состояние окружающего мира должны соответствовать ожиданиям или намерениям человека. Эти представления отражаются в языке с помощью специальных средств, в том числе за счет высказываний с дискурсивными словами. При таком подходе норма прогнозируемости предстает как частная разновидность семантической категории нормы наряду с такими ее видами, как норма степени достижения результата [21, 22], параметрическая норма [23; 4. С. 234–256], норма видовой идентичности [24] и др. [25].

2. Норма прогнозируемости как разновидность семантической категории нормы

Семантическая категория нормы отражает присутствующие в языковом сознании коллектива и регулярно выражаемые при помощи языковых средств типичные представления о количественных и качественных характеристиках объекта того или иного класса, а также о его месте в картине мира, которые приняты носителями языка в качестве должного состояния для этих объектов и способны выступать в качестве средства их измерения и оценки [26. С. 15]. Категория нормы обладает набором признаков, свойственных всем ее частным разновидностям. Среди этих признаков наиболее значимыми для нашего исследования являются следующие:

– двойственность нормы, являющаяся следствием того, что оценка объекта с точки зрения нормы производится относительно идеальных представлений о том, каким должен быть этот объект [27. С. 25]. По этой причине «существенным компонентом нормативной ситуации является наличие антипода... норма и аномалия воспринимаются как таковые только в сравнении» [28. С. 370]. В частности, неожиданные ситуации или события могут быть оценены как отклоняющиеся от нормы лишь на фоне знания о естественном ходе событий;

– словесная невыраженность нормы как ее категориальный признак [29. С. 48] обусловлена тем, что «соответствие норме как бы входит в фоновые знания», поэтому «выражения, связанные с нормой, в первую очередь указывают на отклонения от нее» [20. С. 90], в то время как соответствующие норме положения дел часто не привлекают к себе внимания и не маркируются.

Данное свойство нормы проявляется в количественном преобладании языковых единиц, обозначающих аномалии, по сравнению с такими, которые называют соответствующие норме положения дел [30. С. 581]. Особенностью нормы прогнозируемости является то, что дискурсивные слова, называющие отклонения от нее, не только более многочисленны по сравнению с теми, которые обозначают соответствующие норме ситуации, но и обладают большей частотностью [31];

– положительное или нейтральное отношение говорящего к соответствующим норме положениям дел [32. С. 21], *в то время как* аномалии, как правило, воспринимаются их наблюдателями или участниками отрицательно. При оценке событий с точки зрения их прогнозируемости это свойство нормы проявляется в том, что «хорошее воспринимается как норма, как некий стандарт бытия», возможные изменения в котором заранее оцениваются как негативные [33. С. 136–137];

– прогнозирующий характер нормы заключается в том, что нормы способны содержать в себе как бы проекцию будущих событий или состояния объекта в будущем [34. С. 16; 29. С. 18]. Благодаря этому свойству любая норма способна отражать «то положение вещей, которое является естественным для данной ситуации и воспринимается как должное, так что его отсутствие идет вразрез с ожиданиями потенциальных участников ситуации» [35. Апресян С. 519]. Прогнозирующий характер свойствен исследуемой нами норме уже в силу ее содержания.

Возможно, именно эта особенность нормы прогнозируемости является причиной того, что представления о соответствующих или не соответствующих ей положениях дел часто выражаются не за счет их прямой номинации с помощью лексических единиц, но другими способами. В частности, эти представления включены в значения форм будущего времени (напр.: *Завтра мы едем / поедem на дачу*) и ирреальных наклонений, многих глаголов и модальных предикативов (напр.: *Он собирается уезжать. Ему нужно уехать*), а также некоторых фразеологизмов (напр.: *далеко пойдет*). Среди средств выражения отношения к норме прогнозируемости особое место занимают так называемые дискурсивные слова.

3. Дискурсивные слова, участвующие в выражении отношения к норме прогнозируемости

С точки зрения нормы прогнозируемости оцениваются, как правило, факты не сами по себе, но в интерпретации говорящего, т.е. данная норма отражает отношение субъекта речи к содержанию сообщения как важнейшей составляющей коммуникативной ситуации. По этой причине одним из основных средств выражения отношения к этой норме являются, как мы полагаем, дискурсивные слова. Эти элементы языка, выражающие «состояние сознания говорящего» (Т.М. Николаева) (в данном случае его ожидания), представляют собой «единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста, с другой – самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий

интерпретирует факты, как он их оценивает с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т.п.» [36. С. 7].

Отдельные разряды неполнозначных слов, выражающих отношение к норме прогнозируемости, получали в лингвистических работах разные наименования, обусловленные целями исследований: показатели достоверности / недостоверности (напр.: *кажется, наверное, видимо, по-видимому, должно быть, вероятно, как будто*), используемые в случаях, когда говорящий строит высказывание «под влиянием своего опыта и своих знаний о возможном и / или нормативном ходе событий» [6. С. 94]; эгоцентрические слова или эгоцентрики (например, союзы *а* и *но*) [13. С. 36–47]; специализированные корреляты значения союзов (напр.: *(и) все-таки, следовательно, стало быть* и др.) [37. С. 331]. Эти группы языковых единиц относили к разрядам модальных (т.е. выражающих ту или иную субъективную модальность) [20. С. 90, 92], структурных [38], дейктических [39] или дискурсивных слов [2. С. 149–164; 18. С. 433–454 и др.]. Последний из перечисленных терминов в наибольшей степени отвечает целям нашего исследования, поскольку «ставит во главу угла семантическую специфику слова – его участие в соотношении “вещественного” содержания высказывания с коммуникативной ситуацией, – отодвигая на второй план его формальные характеристики» [40. С. 292].

С помощью дискурсивных слов обозначенная в высказывании ситуация может быть представлена как соответствующая или не соответствующая норме прогнозируемости. Наиболее очевидным образом соответствие этой норме обозначается с помощью вводных слов, выражающих уверенность говорящего в том, что некоторая ситуация будет иметь место, или удовлетворение тем, что ожидания оправдались (напр.: *конечно, естественно (что...), разумеется, в порядке вещей, как и следовало ожидать / как и ожидалось, как кто-л. и думал, действительно* и т.д.). На соответствие ситуации данной норме также могут указывать высказывания с некоторыми частицами (напр.: *А вот и (они)! А как же!*) и союзами, в частности конструкции с союзом *и*, обозначающие обычную последовательность действий или событий (напр.: *Посетитель вошел и поздоровался. Небо покрылось тучами, и пошел дождь*) или набор дополняющих друг друга признаков (напр.: *У девушки длинные и стройные ноги. Мальчик внимателен и аккуратен*).

Намного разнообразнее средства языка, участвующие в обозначении ситуаций, не соответствующих норме прогнозируемости. В число этих средств входят союзы (*а, но, да и, однако* и др.), частицы (*уже, еще, даже, было, аж* и др.), вводные слова (*как ни странно, странное дело* и др.), междометия (*Ничего себе! Вот так клюква* и т.д.) и слова местоименного происхождения (напр.: *Что-то голова болит, Какой-то ты бледный*). Анализ высказываний, в которых они используются, позволяет не только описать особенности употребления этих слов, но и выявить причины, по которым та или иная ситуация оценивается говорящим как аномальная.

4. Причины отклонений от нормы прогнозируемости в оценке носителей русского языка

Отклонением от нормы прогнозируемости является любое несоответствие между реальной ситуацией и ожиданиями субъекта речи, возникшее вследствие:

1) неожиданного развития событий, которое субъект считал предсказуемым, или изменений в положении дел, которое он считал статичным (напр.: *Небо покрылось тучами, но дождя не было; Вдруг полил дождь*);

2) сочетания в объекте свойств, одни из которых представляются говорящим как положительные, а другие – как отрицательные (напр.: *Такой большой, а плачешь*);

3) неочевидности для субъекта причинно-следственных связей между данным положением дел и теми условиями, которые могли бы способствовать его возникновению (напр.: *Что-то голова болит*).

Перечисленные причины данной аномалии свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что норма прогнозируемости обязана своим существованием таким свойствам человеческого сознания, как инерционность и способность устанавливать причинно-следственные отношения между явлениями действительности.

4.1. Закон инерции как фактор, влияющий на использование дискурсивных слов при оценке ситуации с точки зрения нормы прогнозируемости

Инерционность мышления проявляется в том, что «человек склонен в своих мыслях о будущем руководствоваться “законом инерции” и ожидает прежде всего сохранения существующего положения дел» [41. С. 188]. Названный закон применим, с одной стороны, к стабильно развивающимся или циклическим явлениям, а с другой – к статичным положениям дел и реализуется в действии некоторых закономерностей, или принципов. Эти принципы, сформулированные В.З. Санниковым с целью исследовать особенности употребления союза *но*, актуальны и при анализе высказываний, в которых отклонения от нормы прогнозируемости обозначаются при помощи других средств языка.

Первый из названных принципов отражает представления носителей языка о том, что «мир, окружающий человека, устойчив к изменениям. Исчезновение чего-то имеющегося и / или возникновение чего-то нового – ненормальность» [42. С. 259], напр.: *Была у меня собака, но потерялась*. Фиксация нарушений в действии этого принципа не всегда требует от говорящего рефлексии по поводу условий возникновения аномалии и может иметь характер эмоциональной реакции на неожиданность, выраженной с помощью междометий, например: *Ах! (Какой сюрприз), Ой! (Кто это?), Ба! (Кого я вижу!), Боже! (Как он изменился!), Ну и ну! Какими судьбами? Вот так клюква! Здравствуйте, я ваша тетя!* и т.д. Для обозначения неожиданно возникшей ситуации могут быть использованы также предложения с союзами *а*, *да*, *да и* (напр.: *А он возьми да (и) скажи*).

Значение нарушения привычного положения дел свойственно высказываниям с некоторыми частицами, многие из которых способны вносить в предложение дополнительные оттенки смысла. В частности, частица *как* наряду с семантикой неожиданности передает значение интенсивности действия, напр.: *А потом как закричит на меня!* (К. Чуковский). В отношении частицы *даже* (ее разговорного варианта *аж* и ее синонима *и*) неоднократно отмечалось, что следующая за ней часть высказывания содержит информацию не только необычную, но такую, которая здесь менее всего ожидается [43; 44. С. 686; 45. С. 200], напр.: *План увеличили аж вдвое! И он туда же!* В качестве примера, в котором содержится анализ содержания этого ожидания (ситуативной семантики нормы) может служить перифразированное Г.Е. Крейдлиным предложение *Даже Иван сегодня опоздал на работу*: «(а) Иван сегодня опоздал на работу; (б) Некоторое множество людей сегодня опоздало на работу; (с) Иван был последним человеком из тех людей, о которых можно было бы предположить, что они сегодня опоздают на работу» [46. С. 110].

Не соответствующее норме прогнозируемости положение дел может быть отмечено также с помощью частиц *уже* и *только*. При этом частица *только*, имеющая временное значение ‘не раньше, чем’, указывает на то, что событие произошло позднее, чем ожидал говорящий (напр.: *Он женился только в 50 лет*), в то время как слово *уже* используется для указания на событие, которое произошло раньше ожидаемого (напр.: *Он уже ушел*), или на «количественный признак, оцениваемый как весьма большой (большой, чем можно было бы ожидать)», напр.: *Уже два года я работаю самостоятельно* [47. С. 133–134].

Частица *так и* в высказываниях с отрицанием указывает на то, что развитие ситуации не завершилось итогом, которого ожидал говорящий, напр.: *Брат так и не женился*. Эта частица способна вступать в отношения противопоставления со словом *еще*, указывающим на неизбежность события в будущем. В частности, можно предположить, что именно антонимией названных частиц объясняется необычность звучания строки в стихотворении Б. Пастернака: *Светало, но не рассвело*, которая, в зависимости от того, какое слово займет позицию перед отрицанием, может приобретать значение оптимистического прогноза (*Светало, но еще не рассвело*) или констатировать необратимую аномалию (*Светало, но так и не рассвело*).

Действие второго из сформулированных В.З. Санниковым принципов, реализующих закон инерции, проявляется в том, что «если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении...; возвращение к исходному положению – ненормальность» [42. С. 259]. Нарушение этого принципа обозначается с помощью союза *но* или частицы *было*, которая может быть использована в высказывании вместе с союзом, ср.: *Поднявшийся было ветер постепенно стих* и *Шкаф накренился (было), но не упал*.

4.2. Закон причинно-следственной обусловленности как фактор, влияющий на использование дискурсивных слов при оценке ситуации с точки зрения нормы прогнозируемости

Благодаря способности человека устанавливать причинно-следственные отношения между явлениями действие нормы прогнозируемости распространяется не только на статичные или регулярно возобновляющиеся объекты, но и на явления, способные к закономерному и потому предсказуемому развитию, а также на целенаправленные действия. При этом роль причинно-следственной обусловленности событий настолько существенна для данной нормы, что ее отсутствие само по себе может стать причиной свойственной аномалиям негативной оценки обозначенного в высказывании положения дел. Как отмечает А.Д. Шмелёв, это может относиться и «к ситуации, в которой, казалось бы, ничего плохого нет; ср. *Отношения у них были довольно прохладные – и вдруг водой не разольешь!*» [2. С. 159].

Напротив, высказывания с предложениями и подчинительными союзами, выражающими значения причины, условия или цели, обозначают обычно ситуации, которые соответствуют норме и не вызывают к себе отрицательного отношения (напр.: *найти работу за границей благодаря знанию языков; поехать на воды для лечения; медаль за заслуги перед отечеством, Если выполним план, то получим премию*). Выражению этих значений способствуют также дискурсивные слова, выступающие в роли специализированных коррелятов семантики союзов (напр.: *следовательно, значит, стало быть, действительно* и др.). Значение прогнозируемости событий вследствие их причинно-следственной обусловленности способны выражать и некоторые сочинительные союзы; в частности, это значение нередко приобретает союз *и* [48. С. 797; 42. С. 286]. Можно предположить, что именно это значение передает союз *и* в высказываниях *поскользнулся и* (поэтому) *упал; заболел и умер* (умер от болезни).

Причинно-следственные отношения в предложении не всегда выражены явным образом, но могут относиться к его «скрытой» семантике, когда говорящий при оценке того или иного положения дел опирается не только на информацию о конкретной ситуации, но и на общепринятые представления о норме. В частности, именно наличием указания на необозначенную, но известную всем коммуникантам причинно-следственную связь между ситуациями предложения с союзом *но* отличаются от тех, в которых используется союз *а* [14. С. 68]. Различия между этими предложениями демонстрируют несколько измененные нами примеры из цитируемой работы Е.В. Урысон: *Стояла зима, но он гулял в пиджаке (потому что хотел показать всем, какой он закаленный)* и *Стояла зима, а он (почему-то) гулял в пиджаке; Был ветер, но (благодаря слаженной работе пожарных) сгорел всего один квартал* и *Был ветер, а сгорел (почему-то) всего один квартал*.

Следует отметить, что названное различие между союзами *а* и *но* проявляется только в том случае, если союзное высказывание обозначает ситуацию с участием целеполагающего субъекта, т.е. когда реализуется еще один из отмеченных В.З. Санниковым принципов – принцип успешности целенаправленного действия [42. С. 253]. Согласно наблюдениям Е.В. Падучевой,

использование в таких высказываниях союза *но* означает, что «ненормальный ход событий был результатом сознательного выбора (соответствовал намерениям) субъекта», тогда как союз *а* «просто сопоставляет факты» и указывает на то, что субъект действия «не владеет ситуацией» [13. С. 42], ср.: *Он страдал, но молчал и Пора выходить, а я не одета*. Если говорящий желает отметить отсутствие связи между двумя неконтролируемыми событиями, он может использовать любой из названных союзов, ср.: *Небо хмурое, а дождя нет и Небо хмурое, но дождя нет*.

Различие между союзами *а* и *но* состоит также в способности союза *но* характеризовать как не соответствующую норме прогнозируемости не только саму последовательность названных в высказывании событий, но и другие компоненты ситуации. В частности, можно предположить, что в часто цитируемом примере из трудов В.З. Санникова *Он заболел, но скоро выздоровел* союз, соединяя две части высказывания, вопреки распространенному мнению, характеризует как ненормальность не саму последовательность обозначенных в нем событий, а то, что одно из них наступило раньше, чем ожидал говорящий. При изменении содержания высказывания за счет уточнения: *Он заболел раком, но выздоровел* союз выражает удивление говорящего по поводу избавления от болезни, которую он считает неизлечимой. Вне такого контекста высказывание *Он заболел, но выздоровел*, как и предложение *Он заболел ОРЗ, но выздоровел*, выглядит не совсем обычным (ср. вполне обычное: *Он заболел ОРЗ с тяжелыми осложнениями, но выздоровел*). Причины названной особенности употребления союза *но* мы видим в отсутствии между событиями *заболел* и *выздоровел* причинно-следственной связи (в отличие от *заболел и умер*), а также в возможности обозначить обычную последовательность событий другим способом (напр.: *заболел + выздоровел = переболел*). Это наблюдение подтверждает, как нам кажется, мнение А.Д. Шмелёва о том, что «в русском дискурсе, когда причины явления непонятны, использование специальных маркеров невыявленности каузальных связей оказывается почти обязательным. Тем самым в русской речи причинная обусловленность подается как норма, а ее отсутствие – как аномалия» [18. С. 447].

Поскольку «в сообщениях о девиациях ошутима позиция обстоятельства причины», «ее нередко замещает неопределенное местоимение: *Поезд почему-то опоздал; Почему-то мне хочется есть, хотя еще не время обеда*» [30. С. 77]. События, причины которых не являются очевидными, и действия, цели которых неясны, как правило, противоречат ожиданиям субъекта, т.е. являются для него непрогнозируемыми. Поэтому высказывания с местоименными наречиями *почему-то* и *зачем-то* (напр.: *Вася почему-то не пришел; Зачем-то пришел Коля*) выражают, наряду с семантикой неопределенности причины и цели, также значение несоответствия положения дел ожиданиям субъекта: по его мнению, события должны были развиваться иначе. Отклонения от нормы прогнозируемости вследствие нарушения принципа причинно-следственной обусловленности могут обозначаться при помощи других местоименных слов с постфиксом *-то*, которые в этом случае приобретают свойственную дискурсивным словам способность выражать отношение говорящего к ситуации, напр.: *Что-то* (или: *какой-то*) *ты бледный; Мне как-то*

не по себе – в приведенных примерах неопределенными являются не признак или состояние, о которых идет речь, а причины их возникновения.

Значение нарушения причинно-следственной связи между событиями может быть выражено не только в высказываниях с союзами и неопределенными местоимениями, но также с помощью слова *вдруг*. Это слово указывает на то, что ситуация не соответствует известной говорящему норме и не связана причинно-следственными отношениями с тем, что он знает об этой ситуации [2. С. 151; 20. С. 90; 18. С. 447], напр.: *Вдруг пришел Петя. Прекратившийся было дождь вдруг снова полил. С чего бы вдруг?*

Проявлением закона причинно-следственной обусловленности является, на наш взгляд, и выделенный В.З. Санниковым принцип гармоничности, согласно которому «нормально, когда признаки одного и того же явления относятся к одному полюсу (оба – к положительному или оба – к отрицательному)» [42. С. 260], напр.: *Она добрая и умная*. Нарушение этого принципа маркируется в высказывании с помощью союзов *но* и *зато*, ср.: *Она красивая, но глупая* и *Она некрасивая, зато умная*. В пользу нашего мнения свидетельствует возможность выразить мнение говорящего о ситуациях, в которых этот принцип соблюден или нарушен, с помощью высказываний с условным или причинно-следственным союзом, напр.: *Если она добрая, то наверняка и умная; У вас нежности нет: одна правда, стало быть – несправедливо* (Ф.М. Достоевский).

5. Содержание и способы выражения отношения к норме прогнозируемости при оценке будущих событий

Особым образом семантика нормы прогнозируемости выражается при оценке предполагаемых событий в будущем. Основным содержанием высказываний с дискурсивными словами являются в этом случае разные виды прогнозов, которые различаются по нескольким основаниям: 1) по оценке прогнозируемых событий; 2) по ее явному или скрытому характеру; 3) по степени уверенности говорящего в осуществимости прогноза.

В тех случаях, когда оценка будущих событий выражается с помощью дискурсивных слов явным образом, она редко бывает нейтральной, как, например, в высказываниях с частицами *а что если*, *а вдруг..*, *если что* (напр.: *Если что – я дома*). Как правило, прогноз, содержащийся в высказываниях с дискурсивными словами, имеет явно выраженный оптимистический или пессимистический характер. В частности, пессимистический прогноз содержат высказывания с союзом *а (не) то* (напр.: *Поторопись, а то опоздаешь*), вводными словами *не ровен час*, частицами *жди(те)*, *как же, держи карман шире* и образованными от них междометиями (напр.: *Как же, жди, будет тебе премия, держи карман шире*). Напротив, значение явного оптимистического предсказания свойственно высказываниям со словами *авось*, *была не была*, *где наша не пропадала*, *глядишь*, *чем черт не шутит*, где положительный характер прогноза компенсирует малую вероятность его осуществления. К этой группе слов примыкают частицы *вот бы*, *давай*, *пусть*, *да* и междометия, используемые для выражения желаний субъекта речи (напр.: *Вот бы*

разбогатеть! Давай поженимся. Пусть он уйдет. Да будет так! Бис!), формулы этикета, используемые при прощании (*До (скорого) свидания! Увидимся! До встречи*), а также другие этикетные выражения, образованные от пожеланий (напр.: *Здравствуйте! Будь здоров! Будьте счастливы! Всего хорошего* и т.д.).

Скрытое значение оптимистического прогноза приобретает частица *еще* в сочетании с формой будущего времени, напр.: *Мы еще увидим небо в алмазах* [44. С. 114], однако, по нашим наблюдениям, подтекст таких высказываний указывает на малую вероятность предсказываемого события. Примером может служить высказывание депутата украинской рады А. Тетерука: *Я искренне считаю, что мы ещё проведём парад на Красной площади* и комментарий к нему российского блогера: «Заметьте это характерное *ещё*, оно явно от задней мысли явилось, что они погибаются»¹.

Русские дискурсивные слова могут использоваться для обозначения широкого диапазона разной степени осуществимости прогнозируемого события: от уверенности в неизбежности прогнозируемых событий до сомнений в их вероятности. В частности, вводные слова *конечно, несомненно, без /вне (всякого) сомнения, наверняка* используются для обозначения ситуаций в будущем, вероятность осуществления которых имеет характер неизбежности. Неявное значение неизбежности может выражаться конструкциями с частицами *еще, все еще* и *еще не*, которые «строятся на презумпции совершения, будущности события, поскольку это необходимо (предписано нормой)» [44. С. 93] и являются показателями уверенности говорящего в том, что ситуация изменится в названном им направлении, напр.: *Ты еще чего-то не понял?* (сейчас поймешь); *Он все еще на что-то надеется* (он потеряет надежду); *Светало, но еще не рассвело*. Скрытая семантика неизбежности свойственна также высказываниям с союзом *и то* (напр.: *Коля – обычный первоклассник, и то решил эту задачу*) [42. С. 281].

На высокую степень вероятности реализации прогноза указывают вводные слова *наверное, вероятно, по всей вероятности, видимо, по-видимому, по всей видимости, скорее всего, как видно, должно быть, надо думать, надо полагать, похоже*, а также некоторые употребления местоимений с *-нибудь*, напр.: *Как-нибудь обойдется; Кто-нибудь да найдется*. Несколько меньшую степень уверенности в осуществимости прогноза выражают вводные слова *возможно, может быть, не исключено, что*. Наконец, частицы *едва ли, (на)вряд ли, как же, держи карман шире* указывают на незначительную степень вероятности осуществления прогноза.

Для выражения значения ничтожно малой вероятности события может использоваться слово *вдруг* в значении, которое А.Д. Шмелев называет «гадательным» (*А вдруг? Если вдруг...*). «Гадательное» *вдруг* «делает прагматически безопасным высказывание самой невероятной гипотезы» и выражает важную для русского менталитета идею о непредсказуемости будущего [2. С. 161–162]. По своему значению «гадательному» *вдруг* близки дискурсивные

¹ Лимонов Э. Livejournal. January 12th, 17:26. URL: <http://limonov-eduard.livejournal.com/> (дата обращения: 20.01.2017).

слова *авось*, *ЕСЛИ что*, *паче чаяния*, *на всякий случай*, *была не была*, которые объединяет значение 'помимо закономерных явлений, на которые следует ориентироваться в первую очередь, произойти может все что угодно, незаконномерные явления предусмотреть невозможно' [18. С. 450].

Наличие в русской языковой картине мира «установки на непредсказуемость» не изменяет содержания нормы прогнозируемости, но влияет на сферу ее применения, позволяя распространить действие этой нормы в том числе и на явно аномальные ситуации. Данное свойство нормы прогнозируемости проявляется в русском языке в использовании дискурсивных слов, с одной стороны, отражающих стремление говорящего принять во внимание обстоятельства, которые невозможно предвидеть (*если что*, *на всякий случай*, *паче чаяния*), а с другой – являющихся показателем отказа от попыток подготовиться к возможным неприятностям (*авось пронесет*, *как-нибудь обойдется*). При этом последний из названных вариантов поведения, согласно выводам современных исследователей (Там же), является гораздо менее частотным и встречается все реже.

6. Заключение

Результаты осуществленного в статье исследования позволили уточнить содержание нормы прогнозируемости как элемента нормативной русской языковой картины мира. Содержанием данной нормы являются представления о возможности составить правильное суждение в отношении развития той или иной ситуации или положения дел в будущем на основании имеющейся у говорящего информации об обычном состоянии вещей, а также благодаря знанию основных логических закономерностей. С точки зрения нормы прогнозируемости могут оцениваться как уже существующие положения дел, так и события в будущем. И те и другие могут соответствовать норме прогнозируемости или представлять собой аномалию.

При оценке уже существующих положений дел для носителей русского языка важно не только зафиксировать сам факт соответствия или несоответствия ситуации норме прогнозируемости, но и отметить причины того, почему ситуация воспринимается как нормальная или аномальная. Чаще всего условием для оценки ситуации как соответствующей или не соответствующей данной норме является наличие или отсутствие причинно-следственной связи между событиями, которое маркируется в высказывании с помощью союзов и предлогов со значением причины, условия или следствия, местоименных слов с постфиксами *-то* и *-нибудь*, а также слова *вдруг*. Еще одной причиной такой оценки может стать соответствие или несоответствие ситуации ожиданиям субъекта, сформировавшимся на основе его представлений об обычном положении дел; в этом случае оценка ситуации выражается в высказывании при помощи сочинительных союзов, частиц и междометий. Каждое в отдельности или в сочетании друг с другом эти слова способны не только указывать на соответствие или несоответствие ситуации норме прогнозируемости, но и выражать отношение говорящего к ситуации: его удив-

ление, уверенность или надежду на изменение или сохранение ситуации в будущем, разочарование, а также некоторые другие оттенки смысла.

В высказываниях о будущих событиях дискурсивные слова могут быть носителями явной или скрытой семантики и различаться по характеру формулируемого с их помощью прогноза (оптимистический или пессимистический) и по степени вероятности его реализации (неизбежность, высокая или незначительная вероятность). Специфичными для русского языка являются высказывания с дискурсивными словами, которые могут отличаться друг от друга по реакции говорящего на те внешние обстоятельства в будущем, на которые он не может повлиять (стремление подготовиться к любым неожиданным событиям или намерение действовать на удачу). Семантика нормы прогнозируемости сочетается в этих высказываниях с компонентами значения, выражающими субъективное отношение говорящего к ситуации.

Литература

1. Вежибицкая А. Язык, культура, познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
3. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
4. Дронова Л.П., Ермоленкина Л.И., Катунин Д.А. и др. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск, 2005. 354 с.
5. Колмогорова А.В. Прототипическая языковая картина мира и семантика слова «по умолчанию»: опыт экспериментального исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 6 (38). С. 29–42.
6. Иоанесян Е.Р. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 89–95.
7. Разлогова Е.Э. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988. С. 98–107.
8. Ефанова Л.Г. Семантика нормы в русских глаголах ментальной деятельности // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2011. № 3 (105). С. 5–9.
9. Ducrot O. Les modificateurs déréalisants // Journal of Pragmatics. 1995. № 24. P. 145–165.
10. Шамянунова М.Д., Ефанова Л.Г. Прием контаминации в прозе В.В. Набокова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск, 2000. С. 100–116.
11. Шамянунова М.Д. Лексическая контаминация как стилистический прием и ее использование в прозе В. Набокова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 393. С. 43–47.
12. Шамянунова М.Д. Прием фразеологической контаминации в прозе В. Набокова // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60), ч. 3. С. 165–167.
13. Славянские сочинительные союзы / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Изд-во РАН, 1997. 80 с.
14. Урысон Е.В. Союзы *А* и *НО* и фигура говорящего // Вopr. языкознания. 2004. № 6. С. 64–83.
15. Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л. Русский союз *а* как лингвоспецифичное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конф. «Диалог 2005». М., 2005. С. 153–159.
16. Efanova L.G., Lutoshkina O.S., Dronova L.P., Natsagdorj S. On Cognitive Approach to Language when Studying Russian Prefixes Expressing Relation to the Norm // International Conference for International Education and Cross-cultural Communication. Problems and Solutions, 9–11 June 2015, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia. Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 215. P. 67–71.
17. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford: Oxford University. Press, 1992. 496 p.

18. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
19. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. *Вздор*: слово и дело // Логический анализ языка: Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М., 2010. С. 141–151.
20. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка: Избранное. 1988–1995. М., 2003. С. 87–102.
21. Ефанова Л.Г. Семантика меры и нормы в значениях производных единиц // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 4 (8). С. 5–19.
22. Серышева Ю.В., Филь Ю.В. Глаголы с вторичными префиксами *пере-* и *недо-* сквозь призму языкового сознания носителей русского языка // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 386. С. 24–35.
23. Ефанова Л.Г. К вопросу о параметрических нормах // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 1 (21). С. 22–31.
24. Ефанова Л.Г. Норма видовой идентичности как фрагмент функционально-семантического поля нормы // Сиб. филол. журн. 2011. № 2. С. 122–129.
25. Ефанова Л.Г. Функционально-семантическое поле нормы в русском языке. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 220 с.
26. Ефанова Л.Г. Категория нормы в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013. 41 с.
27. Ефанова Л.Г. Семантическая категория нормы в аспекте структурных составляющих нормативной оценки. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 220 с.
28. Федяева Н.Д., Демченков С.А. Неологизм «новая нормальность» в контексте свойств нормы // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60). С. 368–370.
29. Ефанова Л.Г. Норма в языковой картине мира русского человека. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 492 с.
30. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
31. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Неожиданности в русской языковой картине мира // Полуртотов: К 70-летию В.Н. Топорова. М., 1998. С. 306–324.
32. Ефанова Л.Г. Категория нормы как объект лингвистического исследования // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2010. № 6 (96). С. 21–24.
33. Семенова С.Ю. О предчувствии и его речевых свидетельствах // Логический анализ языка: Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011. С. 132–141.
34. Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 253 с.
35. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии: в 2 т. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур. 2009. 568 с.
36. Баранов А.Н., Плузган В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
37. *Краткая русская грамматика* / под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. 639 с.
38. *Словарь* структурных слов русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др. М.: Лазурь, 1997. 420 с.
39. Березович Е.Л. Еще раз о русском *авось* // Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 333–339.
40. Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Тр. Междунар. семинара «Диалог 2004 по компьютерной лингвистике и ее приложениям». М., 2004. С. 292–297.
41. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и неререферентные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.
42. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
43. Anderson S.R. How to Get 'Even' // *Language*. 1972. № 48. P. 893–906.
44. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Едиторал УРСС, 2005. 168 с.
45. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 390 с.

46. Крейдлин Г.Э. Лексема ДАЖЕ // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 108–120.
47. Шимчук Э.Г., Шур М.Г. Словарь русских частиц. Frankfurt am Main: Peter Lang – Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. 146 с.
48. Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика: Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 824 с.

THE SEMANTICS OF THE NORM OF PREDICTABILITY IN STATEMENTS WITH DISCOURSE MARKERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 50. 70–86. DOI: 10.17223/19986645/50/5

Larisa G. Efanova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: efanova@sibmail.com

Keywords: norm semantic category, discourse markers, semantics of predictability, categorical features of norm, unforeseen events, appreciation of future events.

The article aims to analyse the content of the norms of predictability, the understanding of which is reflected in the semantics of statements with discourse markers, and identify the role of these linguistic units in its expression. The study was carried out on the material with more than 100 discourse markers and about 80 contexts of their use. Discourse markers that express the attitude to the norm of predictability are some conjunctions, particles, parentheses, indefinite pronouns and interjections. To study the role of these units in terms of the norm of predictability semantic analysis of statements, in which discourse words contribute to designating the situation corresponding or not corresponding to the norm, and comparative analysis of statements designating different options of deviations from this norm were used.

The study found that the existing state of affairs and events in the future may be assessed from the point of view of the norms of predictability. Any of them can conform to the norm of predictability or indicate an anomaly. Discourse markers can be used to specify that the current situation conforms to the norm, because it corresponds to the expectations or intentions of the subject (e.g., *konechno* [of course], *estestvenno* (*chto...*) [naturally], *razumeetsya* [certainly], *v poryadke veshchey* [in the nature of things]) and deviations from the norm of predictability generally resulting from unexpected situations (e.g., *kak vdrug* [and suddenly], *vot tak istoriya!* [what a mess!]); in that case, these words can indicate the reasons of unpredictability, consisting in change of the usual order of things (e.g., *dazhe* (*azh /i*) [even]) or in non-obvious causal relations between events (e.g., *pochemu-to* [somehow], *zачем-to* [for some reason]).

In statements about future events discourse markers have an implicit or explicit semantics. Their meanings can be different 1) in the nature of predictions, which may be optimistic (e.g., *avos'* [may be], *byla ne byla* /whatever happens happens) or pessimistic (e.g., *a (ne)* [otherwise], *ne roven chas* [one never knows]), 2) in the degree of probability of its implementation, which can range from the inevitable (e.g., *konechno* [of course], *nesomnenno* [certainly], *bez /vne* (*vsyakogo*) *sommeniya* [no doubt]) to a small probability (e.g., *edva li* [it is unlikely]), 3) by the reaction of speakers to external circumstances they cannot influence; this reaction can be a desire to prepare for any unexpected events (e.g., *esli chto* [if something happens], *na vsyakiy sluchay* [just in case], *pache chayaniya* [contrary to (all) expectations]) or an intention to take pot luck (e.g., *avos'* [may be], *byla ne byla* [whatever happens happens]).

The study established that the content of the norm of predictability is the idea of human ability to form a correct opinion on the development of events or on the state of affairs in the future on the basis of the speaker's information about the normal state of things, and by knowing basic logical laws.

References

1. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari.
2. Shmelev, A.D. (2002) *Russkaya yazykovaya model' mira: materialy k slovaryu* [Russian language model of the world: materials for the dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

3. Zaliznyak, A.A. (2006) *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in the language and ways of representing it]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
4. Dronova, L.P. et al. (2005) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Images of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kolmogorova, A.V. (2015) Prototypical linguistic worldview and word semantics tacito consensus: experimental studies. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (38). pp. 29–42. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/38/3
6. Ioanesyan, E.R. (1993) Klassifikatsiya mental'nykh predikatov po tipu vvodimyykh imi suzhdeniy [Classification of mental predicates by the type of their judgments]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deystviya* [Logical analysis of language. Mental actions]. Moscow: Nauka.
7. Razlogova, E.E. (1988) Eksplitsitnye i implitsitnye propozitsional'nye ustanovki v prichinno-sledstvennykh i uslovnykh konstruktsiyakh [Explicit and implicit propositional attitudes in cause-effect and conditional constructions]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie* [Logical analysis of language. Knowledge and opinion]. Moscow: Nauka.
8. Efanova, L.G. (2011) Semantics of the norm in Russian mental activity verbs. *Vestn. Tom. gos. ped. un-ta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (105). pp. 5–9. (In Russian).
9. Ducrot, O. (1995) Les modificateurs déréalisants [Derealizing modifiers]. *Journal of Pragmatics*. 24. pp. 145–165.
10. Shamyayunova, M.D. & Efanova, L.G. (2000) Priem kontaminatsii v proze V.V. Nabokova [Blending in V.V. Nabokov's prose]. In: Bolotnova, N.S. (ed.) *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty slova v khudozhestvennom tekste* [Communicative-pragmatic aspects of the word in fiction]. Tomsk: TSPU.
11. Shamyayunova, M.D. (2015) Lexical blending as a stylistic device in the prose of Vladimir Nabokov. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 43–47. (In Russian).
12. Shamyayunova, M.D. (2016) Priem frazeologicheskoy kontaminatsii v proze V. Nabokova [Phraseological blending in the prose of V. Nabokov]. *Filol. nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 6 (60):3. pp. 165–167.
13. Nikolaeva, T.M. (ed.) (1997) *Slavyanskije sochinitel'nye soyuzy* [Slavic coordinating conjunctions]. Moscow: RAS.
14. Uryson, E.V. (2004) Soyuzy A i NO i figura govoryashchego [Conjunctions A and NO and the figure of the speaker]. *Vopr. Yazykoznanija*. 6. pp. 64–83.
15. Zaliznyak, A.A. & Mikaelyan, I.L. (2005) [Russian conjunction as a language-specific word]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the international conference 'Dialog 2005'. Moscow: Nauka. pp. 153–159. (In Russian).
16. Efanova, L.G., Lutoshkina, O.S., Dronova, L.P. & Natsagdorj, S. (2015) On Cognitive Approach to Language when Studying Russian Prefixes Expressing Relation to the Norm. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 67–71. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.575
17. Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press.
18. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2005) *Klyucheveye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
19. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2010) Vzдор: slovo i delo [Nonsense: word and deed]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical analysis of the language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures]. Moscow: Indrik.
20. Vol'f, E.M. (2003) Sub'ektivnaya modal'nost' i semantika propozitsii [Subjective modality and semantics of the proposition]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoe. 1988–1995* [Logical analysis of the language. Selected works. 1988–1995]. Moscow: Indrik.
21. Efanova, L.G. (2009) Semantika mery i normy v znacheniyakh proizvodnykh edinit [Semantics of measure and norm in the meanings of derived units]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (8). pp. 5–19.
22. Serysheva, Yu.V. & Fil', Yu.V. (2014) erbs with secondary prefixes PERE- and NEDO- in the linguistic consciousness of Russian speakers. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*. 386. pp. 24–35. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/386/4

23. Efanova, L.G. (2013) On parametrical norms problem. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (21). pp. 22–31. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/21/3
24. Efanova, L.G. (2011) Norma vidovoy identichnosti kak fragment funktsional'no-semanticheskogo polya normy [Norm of aspect identity as a fragment of the functional-semantic field of the norm]. *Sibirskiy filol. zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 122–129.
25. Efanova, L.G. (2012) *Funktsional'no-semanticheskoe pole normy v russkom yazyke* [Functional-semantic field of the norm in the Russian language]. Tomsk: TSPU.
26. Efanova, L.G. (2013) *Kategoriya normy v russkoy yazykovoy kartine mira* [The category of the norm in the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
27. Efanova, L.G. (2012) *Semanticheskaya kategoriya normy v aspekte strukturnykh sostavlyayushchikh normativnoy otsenki* [Semantic category of the norm in the aspect of the structural components of normative assessment]. Tomsk: TSPU.
28. Fedyayeva, N.D. & Demchenkov, S.A. (2016) Neologism “new normality” in the context of characteristics of the norm. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*. 5 (60). pp. 368–370. (In Russian).
29. Efanova, L.G. (2013) *Norma v yazykovoy kartine mira russkogo cheloveka* [Norm in the language picture of the world of the Russian people]. Tomsk: TPU.
30. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
31. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1998) Neozhidannosti v russkoy yazykovoy kartine mira [Unexpectedness in the Russian language picture of the world]. In: Nikolaeva, T.M. (ed.) *Πολυτροπον. K 70-letiyu V.N. Toporova* [Πολυτροπον. To the 70th anniversary of V.N. Toporov]. Moscow: Indrik.
32. Efanova, L.G. (2010) The category of norm as a linguistic object. *Vestn. Tom. gos. ped. un-ta. Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (96). pp. 21–24. (In Russian).
33. Semenova, S.Yu. (2011) O predchuvstvi i ego rechevykh svidetel'stvakh [About a premonition and its verbal evidence]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Lingvofuturizm. Vzglyad yazyka v budushchee* [Logical analysis of the language. Linguistic futurism. A glance of the language into the future]. Moscow: Indrik.
34. Plakhov, V.D. (1985) *Sotsial'nye normy: filosofskie osnovaniya obshchey teorii* [Social norms: the philosophical foundations of the general theory]. Moscow: Mysl'.
35. Apresyan, Yu.D. (2009) *Issledovaniya po semantike i leksikografii. V 2-kh tt.* [Studies on semantics and lexicography. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
36. Baranov, A.N., Plungyan, V.A. & Rakhilina, E.V. (1993) *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow: Pomovskiy i partnery.
37. Shvedova, N.Yu. & Lopatin, V.V. (eds) (1989) *Kratkaya russkaya grammatika* [Short Russian grammar]. Moscow: Rus. yaz.
38. Morkovkin, V.V. et al. (1997) *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of structural words of the Russian language]. Moscow: Lazur'.
39. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvicheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. pp. 333–339.
40. Kobozeva, I.M. & Zakharov, L.M. (2004) [Why we need a sounding dictionary of discursive words of the Russian language]. *Trudy Mezhdunar. seminara Dialog 2004 po komp'yuternoy lingvistike i ee prilozheniyam* [Proceedings of the international seminar Dialogue 2004 on computer linguistics and its applications]. Moscow: Nauka. pp. 292–297. (In Russian).
41. Shatunovskiy, I.B. (1996) *Semantika predlozheniya i nereferentnye slova* [Semantics of the sentence and non-referential words]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
42. Sannikov, V.Z. (2008) *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in a semantic-pragmatic space]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
43. Anderson, S.R. (1972) How to Get ‘Even’. *Language*. 48. pp. 893–906.
44. Nikolaeva, T.M. (2005) *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in the utterance (on the material of the Slavic languages)]. Moscow: Editorial URSS.
45. Priyatkina, A.F. (2007) *Russkiy sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svyazi i konstruktsii)*. *Izbr. tr.* [Russian syntax in a grammatical aspect (syntactic links and constructions). Selected works]. Vladivostok: Far-Eastern State University.

46. Kreydlin, G.E. (1997) Leksema DAZhE [Lexeme EVEN]. *Semiotika i informatika*. 35. pp. 108–120.
47. Shimchuk, E.G. & Shchur, M.G. (1999) *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Frankfurt: Peter Lang – Europäische Verlag der Wissenschaften.
48. Levin, Yu.I. (1998) *Izbrannye trudy: Poetika: Semiotika* [Selected Works: Poetics: Semiotics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.